

Любовь
Медведева

СКАЗЫ ГОР И СТЕПЕЙ

Народные предания, семейные легенды, отзвуки песен нашего края пережиты волшебством воображения и превращены автором в «Сказы гор и степей». Реальность и вымысел ведут за собой детей и взрослых в особые места на земле, где сияют драгоценные русские слова, а леса, горы, поля полны невиданной красоты и силы. Доброта и ласка, смелость и любовь, мастеровитость и смекалка – обычные чудеса в Тридевятом царстве сказов.

СКАЗ ПРО ЗМЕЙКУ-ЗЛАТОШЕЙКУ

Что старые люди сказывают, то в наших местах сказами зовут. А чтобы седые да умудренные врази, такого никто не припомнит. Передаются были стародавние от прадедов дедам, от них – отцам, а там и до нас и наших детушек очередь доходит. Вроде как для того и жили народы прежние, чтобы наше времечко было чистым да радостным, как речка горная. Вот и отведайте чистой водицы сказов-рассказов, да детушек напоить не забудьте: их сердца мягче и зорче, они главное и углядят. За простым словом порой много тайн прячется, а уж ключиков-замочков для счастья людского видимо-невидимо.

За горой Сорокиной есть взгорье невеликое. Как пойдешь от Сорокиной на северо-запад, оно и скажется. Дальше путь приведет в долину просторную. Там, во времена давние, собирались на совет-беседу вожди племен исконных.

Посреди долины той и трава не растет, и муравей не ползает, и зверь не пробегает. Лежат по краям той проплешины валуны, словно морем обкатанные. Место то особое. В иные годы, старики сказывают, являлась гостям незваным Хозяйка холмов: то змейкой-златошейкой, то облаком, то еще как. Кто робкий – сознания лишался, а трусливый и вовсе с рассудком расставался, да так и жил потом до смерти полоумным.

Хозяйка холмов – владелица знания тайного – и наперед заглянуть может, и знает все от самых давних времен... В долине той храбрые люди сколько раз видели Хозяйку. Может и посмеяться она, коли придешь в долину не за правдой-истиной, а со своими мелкими тревогами и заботами.

Забрел как-то в долину заповедную пастух. О Хозяйке он слыхивал, да не видывал, какова она, потому не очень верил: старики, мол, из ума выжили, вот и сказывают всякое небывалое. А как сам дошел до проплешины, оглядел валуны,

подумал, может, правду дед говорил. Решил пастух судьбу испытать. Сделал все как положено, как дед велел, но вместо друзей посадил у камней трех овец (в долину редко люди хаживали), сам встал в середину, глаза закрыл, чтобы не испугаться. Мало ли что случится. Тотчас услышал, что смеется кто.

– И дня не пройдет, изменится жизнь твоя: будешь жить в городе белокаменном, будут носить тебе еду люди казенные, а ты – только есть да спать.

И вновь смех послышался, потом все стихло. Открыл глаза пастух, а овцы то разбрелись кто куда. Слышит бляенье, а отыскать не может. Сроду такого не случилось, чтобы человек потерял все стадо.

Осерчал хозяин – человек богатый и известный в тех краях. Засудили беднягу пастуха, в городской крепости за решетку посадили, в кандалы нарядили...

Вот так пошутила Хозяйка над душой немудреной.

Пастух, как из тюрьмы вернулся, друзьям рассказывал:

– В первую же ночь в городе, на постели казенной, привиделся мне сон. А может, не сон то был. Кто его знает? Протекло в камеру сквозь решетку облачко разноцветное – и явилась Хозяйка во всей красе. На девицу мало похожа, да и на приведение не смахивает, тоненькая, брови нахмуренные, глаза серьезные. Хотел было дотронуться, а рука сквозь нее проходит. Чудно!

Стал я Хозяйку ругать словами погаными, каких в жизни не говаривал.

А она – то нахмурится, то рассмеется:

– Не сердчай, пастух, попался ты мне в минуту недобрую, да еще сглупа вместо друзей овец у камней посадил, вот и получил наказание за думы пустяковые, за дела дурные. Ну да кто старое помянет... Награжу тебя по-царски: дам ужика своего, змеиное слово скажу. Ужик от змей гремучих, от гадюк кусачих отведет. Ни овец, ни собак, ни родных твоих, сколько жить будешь, змеи не тронут. А словом змеиным будешь людей от гибели спасать, коли какая гадюка соседней твоих укусит. Тем и счастлив будешь.

Прошптала слово змеиное – и в облачко обратилась.

Через десять дней овцы сами сыскались, к дому невесть откуда собираться стали. Решил богач не мучить зазря человека, из тюрьмы-то пастуха вызволил.

Стал пастух лучшим лекарем от укуса змеиного. Зауважали его люди, прозвали Змееустом. Сосватали ему невесту добрую да умелую, лицом ладную, из семьи зажиточной. И потекла жизнь пастуха лучше некуда. Жена семерых детей ему родила, ни нужды, ни горя до самой смертушки Змееуст не видывал, а как помирать стал, слово свое змеиное передал старшему сыну...

А змейка-то златошейка только раз потом жене пастуха показалась.

Пришла старая женщина могилку навестить, глядит, а холм весь сон-травой порос. И цветки-то все большие, да все до единого открытые. Сомлело ее сердце от красоты такой. Присмотрелась она получше, а из цветов головка змеиная выглядывает. Испугалась женщина, но слышит – вроде говорит кто. Огляделась. Никого, одна в поле.

– Не бойся, милая, гляди зорче. Не змея то гремучая, а змейка-златошейка. Сядь, отдохни маленько, а я тебе слово скажу надобное. Сама запомни и людям передай. В долину по пустым делам не ходите, травы не топчите. Коли о бедах-тревогах пытаться меня решите, сгодится в лихую годину сила моя, слово вещее.

Сказала так – и в цветах пропала. А женщина весть эту людям снесла. И говаривали старики: как случится беда какая, шли люди в долину Хозяйки. Она

им будущее открывала, и от ран вылечивала, и сил добавляла. Известное дело, в войну люди мерли не только от пули да сабли, случалось, и от голода. А люди селения, где жил некогда Змеест, голода не знали.

Попусту долину никто не тревожил. Мне мой дед сказывал, а я – вам, а вы внукам своим поведайте...

САРМАТСКОЕ ЗОЛОТО

Сказания из уст в уста передаются, от одного народа – другому, тем богатством души людские полнятся. Видишь, мил человек, в степи курганы?

Это могилки сарматские, народ такой жил в местах здешних давнее давнего, казаков и в помине не было, а уж эти сарматы по степи скакали. Поди, уж и косточки их истлели, но все одно прыгать-бегать по тем холмам негоже. Был народ – и нет его, только сказы да курганы остались. Глупому да пустому человеку ни до кого дела нет: ни до брата, ни до свата, ни до народов прежних.

Ан, нет, милоч, ошибаешься: человек-то друзьями да родней силен. Один избу не построит, поле не вспашет, а придет время, и он кому-нибудь поможет. В прежние времена тоже люди смекалистые жили. Нету их, а до сей поры следы отыскиваются: то надписи в пещерах, то рудники позаброшенные, то пословицы мудрые, то слова приветные. Расскажу я вам про давешние времена незапамятные.

Вдоль речки нашей, что Малнарымкой называется, с давних пор люди селились. Набежали как-то со степи сарматы, увидали простор да красоту, – в ту пору вдоль речки по обеим берегам черемуха росла, а речка-то была поглубже да пошире, – так вот, глянули они на такое приволье – да и порешили жить здесь.

Про царей-государей в те времена и не слыхивали, главной в их роду-племени была баба-воительница, звали ее Зорина. Это нынче, куда ни глянь, мужики с большими пузами да с пустыми глазами народом командуют; прежде-то порядок иной был, ценили силу и мудрость сердца материнского и доверяли люди догляд за родом-племенем Матери, которая, как и мать-земля, сурова была и милостива: журила детей своих, но берегла от погибели.

Росла Зорина без отца, без матери, воспитала ее старуха-ведунья, научила всем премудростям травным, каждую былинку знала Зорина по имени. Выйдет, бывало, в степь и с каждым цветком беседует.

– Как спала-ночевала, матушка-мятушка? Дай мне веточку – полечу деточку!

Хороший-то голос да слово ласковое и траве в радость. Сорвет Зорина цветочек для снадобья, а на другой день на том же месте целая полянка пестреет. От любой хворобы лечила травами Зорина, она к людям – с душой открытой, и народ к ней – с добром и помощью: кто ленточку подарит, кто пирожок принесет, кто чайком напоит.

В степном деле главное – на коне скакать да кинжалом махать. Обучались военному делу все люди сарматские, никому снисхождения не было. В седле Зорина сидела как влитая, словно на коне родилась, в бой летела впереди всего племени. Да что военное дело! За что Зорина ни возьмется, все ладится: и одежду сошьет, и детей накормит, напоит, спать уложит, а уж в жилище-то красота-чистота, хоть на полу ешь, ни соринки! Муж Зорины ушел как-то за добычей в лес – да и сгинул

без следа. Но никто не видывал, что Зорина горюет да на других тоску наводит; ночами-то вдовыми плакала тихонько в подушку, а на людях – вечно с песней, с шуткой, с прибауткой. Детей «семеро по лавкам», все в догляде, сытые, обутые и при деле: то с мамкой травы собирают, то коней пасут, то в доме метут. Поглядывали на Зорину мужики соседские, да все попусту, заигрывали – все понапрасну. Верное сердце билось в груди Зорины.

В ту пору померла прежняя Матерь племени. Позвали Зорину старейшины:

– Быть тебе нашей Матерью – защитницей, заступницей!

Услыхала о том соседка Зорины, Падма, женщина с черной душой. Что страшна она была, как грех господень, полдела. Многих в племени друг с другом эта злыдня перессорила, а со второй половиной сама переругалась. Не было в племени никого завистливее Падмы.

И зашипела она по-змеиному:

– Не жить мне, если не изведу Зорину проклятую!

Всю ночь не спала Падма, все придумывала, как бы половчее погубить Зорину. А наутро пошла к Матери племени.

– Не держи зла, пришла я к тебе прощенья попросить за слова свои ядовитые, за дела пакостные. Приснилось мне облачко светлое, а изнутри голос раздался: «Пойди утречком к Матери племени. Будет жить она долго и служить пламенно, если изладит ей кузнец одежду из золота, пусть наденет ее она в полнолуние, соберет все племя у костра и устроит пир».

Не глупа была Зорина, но не учуяла она, что слова Падмы ложью перевиты, ядом облиты.

– Худое я давно забыла. А что светлое облако к тебе слетело – знак хороший, сотворю все, как духом неба велено.

У сарматов золото не больно ценилось: на вид блестит красиво, да что толку, кинжала хорошего не выкуешь, щита не изладишь, вот и шло оно на разное баловство: на посуду да бабьи бусы. Кузнецы-то их небывалую красотищу излаживали. Пошла Зорина в кузню и велела выковать такое одеяние из золотого самородка, чтобы и глянуть было любо-дорого, и к земле от тяжести не гнуло. Сотворили в скорости кузнецы одежду золотую, легонькую, тоненькие пластиночки цепочками скреплены, а промеж камня цветные посверкивают. Любота одна! А шапку-то изладили высокую, на гору похожую, изукрасили ее чеканными тиграми да оленьями. День глядеть будешь – не насмотришься!

Падма тем временем побежала на другой берег речки, в темный лесок, в становище гунов. Кто они? Не ведаю, но как дед молвил, так и я вам сказываю. Отыскала она повозку вождя, пробралась потихонечку, когда стемнело, и в ноги кинулась.

– Не вели казнить, хозяин степной, вели выслушать!

– Говори, с чем явилась, да не мешкай!

– Нынче ночью большой пир. Соберется народ у костра. А на самом виду, в золотой одеже, Матерь племени. Посади лучника в засаду заранее, пусть сразит ее стрелой каленой. Племя без Матери, что тело без головы.

Сметлив был вождь вражий: Падму велел связать, а воинов отправил в засаду. Вошла луна, заиграли дудки, загремели бубны, заплясали сарматы вокруг костра. Когда смолкла музыка, вышла из своего жилища Зорина, сверкая золотым убором. Прозвенела стрела – и пронзила сердце Матери племени, и рухнула она наземь. Рядом был сын Зорины.

Закричал он голосом зычным:

– За мной, сарматы!

Похватили мужики и бабы оружие – и кинулись на врагов. Много народу полегло в том бою, но отбились сарматы, а из нападавших ни один живым не ушел.

Рассвирепел вождь гунов и велел отсечь Падме голову. С тех пор говорят: «За зло и злато – кровавая плата!»

Зорину и убитых воинов погребли по обычаю, насыпав над ними курганы. Племя сармат снялось и умчалось на резвых скакунах. Золото-серебро, сказывают, погребли вместе с воинами и наложили заклятие: кто покой Зорины потревожит – свой потеряет.

Одна бабенка, сказывают, из наших казачек, пошла было золото дармовое искать, да так и пропала. А то мужик вздумал в кургане копать. Порыл маленько, а лопата звяк обо что-то, вынул мужик из земли штучку золотую с камнями – и тут давай его бить лихоманка, положил он брошку-то на землю – сразу полегчало, нагнулся было снова, – жалко же такое богатство в земле оставлять, – а его как шарахнет столб огненный! «Нет, – думает мужик, – зачем золото, если от него житья нету, пушай себе дальше лежит, полоумных дожидается...» Взял мужик лопату, зарыл штуковину – ему вовсе хорошо стало, домой пошел с песнями.

И ты, мил человек, не ходи на могилки сарматские, пусть себе спит Зорина спокойно. Веришь – не веришь, а любой сказ про меня и про вас: главное-то добришко не золотишко, а слово простое, солнышком налитое.

ПАСТУШЬЕ СЛОВО

От века ведется: один плюнет-дунет – и пшеница колосится, а у иного на том же поле и репей не родится. Оно, конечно, скотинке да землице надо не раз в поле поклониться, не раз потом умыться, чтоб скотина была сытая и холеная, а огурцы сочные да зеленые...

Но еще, говорят, слово особое надо знать, то ли петушиное, то ли еще какое. А в старые времена вот что было.

Жил у пастуха Митрофана в подпасках мальчишка – Гришатка. По сиротскому делу ему спать-ночевать было негде, вот и прибился как-то к старому пастуху, тот бобылем жил, однако на хлеб, на похлебку достатку хватало, пожалел он безродного мальчонку, поил-кормил его, а за то помогал Гриша хворому старинушке изо всех своих малых сил. Лишний раз с ребятами не побегают, все около пастуха трется: скотину в стадо сгоняет да следит за норовистыми коровами да овцами на выпасе, ежели дедок на солнышке задремлет.

Так бы и жили, небогато, да дружно, ежели бы не приключилась по весне с пастухом лихоманка. Недолго поболел он, помаялся да и помер, а перед кончиною позвал Гришатку и шепнул на ухо ему пастушье слово, да велел его никому из деревенских не сказывать, а еще оставил подпаску сколько-то овечек да барана в придачу.

А слово то чудесным оказалось... Шепнет, бывало, Гришатка своим овечкам – они бегут за ним как привязанные: куда он, туда и они, ни на шаг не отстают. А убегаются, сядут и смирихонько дожидаются, пока пастушок в салочки да в казаков-разбойников с деревенскими парнишками не наиграется.

Недоумков всегда и всюду пруд пруди. Были охальники, что обидеть сироту хотели да поворовать его овечек. Но не тут-то было! Овечки-то не простые были: пасутся себе тихонько, травку жуют, а как какой человек негожий их схватит сдуру – они и покусают негодника. Тут визг, писк! Люди сбегутся – а овцы-то уже в сторонке, как ни в чем не бывало, траву щиплют.

Случилось как-то перед самой зимой пастушку во поле припоздниться: день-то не по-осеннему теплый пригожий стоял. К вечеру снег полетел, а после – закружило, завьюжило. Овцы сбились в одно теплое облачко, прижались со всех сторон к Гришатке, он им, конечно, пастушье слово шепчет: успокаивает, как умеет. Тут совсем недалеко волки завыли, однако овцы-то с бараном не убежали с испугу, а сидят подле и не трясутся даже – тут и с парнишки страх слетел. Но глядит – волки со всех сторон обступают, подвывают, глазами дико блещут. «Ну, – думает, – конец пришел мне и овечкам». Не успел он так подумать, овцы-то так дико заблеяли, что и вообразить нельзя. Волки – наутек! А баран побежал за ними да хорошенько рогами под седалищное место двум-трем волкам наподдал.

Тут выюга маленько улеглась, овцы выстроились друг за дружкой и потихоньку потопали вперед, а баран мальчонку сзади толкает: иди, мол, пока руки, ноги не отморозил. Прошли они сколько-то. Глядит пастушок – а впереди окошки светятся, домик какой-то. Обрадовался, конечно, бегом к дверям.

А в доме том старики бездетные жили. Обогрели мальчонку, накормили, овечек в сараюшку определили. Рассказал им Гришатка, как овцы его спасли, да не больно старики поверили: дикое блеянье слышали, да подумали, поди, упырь в степи рыщет, а чтобы так овцы вопили, сроду такого не было.

Утром засобирался Гришатка, а старики ему и говорят:

– Оставайся, милоч, одни мы на белом свете, и ты один, а вместе-то, хоть и в бедноте, пробьемся как-нибудь.

Пастушок и остался. Пошел было в сараюшку овечек покормить, глядит, а овечек как век не бывало, одни шкуры выделанные лежат да баран мекает. Погладил он барана, тот потерялся об него башкой – да и был таков! Только его и видели. Но с той поры в лесу волков не было: то ли баран разогнал, то ли еще что случилось.

Старики-то подивились над шкурами овечьими, свезли на базар, денежку хорошую получили – и зажили с Гришаткой сытнее да вольготнее чем прежде. Вскоре парнишка подрос, опорой старикам стал, а пастушье слово ему не раз и не два сгодилось, оттого и хозяйство он поднял хорошее, крепкое: скотина всякая, кур-уток не меряно, сад-огород большущий! Дом новый под тесовой крышей поставил, а как пришла пора, семьей обзавелся. Пятнадцать душ ему баба нарожала, и все один к одному, что цветочки во поле, лупоглазые, круглолицые, ну чисто шанежки румяные.

Старики-то, известно, при нем в чести да в холе лет до ста, может, и боле жили-поживали. Выпала им радость на последние денечки-годочки. Недаром же молвится, кто сироту не обидит, жизнь хорошую увидит. А кто ни себе, ни людям, о том Бог забудет.

Слово то свое Гришатка, конечно, после детям-внукам передал, так и разрослось оно в народе, окрепло; и в тех краях, где пастушье слово разветвилось, жил народ с той поры сытно и вольно.

ДЕД АЛТ И АНУТА

Имена-то не только у людей, они и у гор, и у рек, и у живности всякой разные. О том и сказ пойдет.

Некогда поселился среди диких гор пришлый человек по имени Алт, что на языке его племени означало «белый». И верно, волосы были у него белы, как снег, но не от старости, а так, от рождения. Падали они мягкими волнами по самые плечи, а чтоб в работе не мешали, надевал Алт повязку синюю, на лбу вышитую, а на затылке узлом завязанную. Людей в этих местах совсем мало селилось: зимы суровые, снега глубокие, горы высокие, а леса густые да темные. Не больно разживешься, разгуляешься... Это хилым да трусливым не в охотку с природой тягаться. Да не таков был Алт.

Через какое-то время перебрался он из шалашика в избу просторную, из лиственниц срубленную. А еще через годок женой с дитем обзавелся, а откуда привез, никому не говорил, только и она была с глазами синими, с волосами светлыми, словно лучики солнечные, видно, одного они были роду-племени...

Хорошо жили. Хозяйство большое держали: сами здоровые да детей немало народили, славная подмога отцу-матери.

Так мало-помалу расселились светловолосые да синеглазые по горам нашим, по долам. Сеяли мало: не больно что на ветреных склонах росло, все больше охотой да рыбалкой промышляли.

А песни какие пели! Любо-дорого послушать.

Выйдет, бывало, Алт на взгорочек, когда солнышко садится, и запоет:

– Алт, Алтэй, Алтай! Лейо! Лейо!

Что означало: «Белый, Белый цветок, Белые вершины. Радуйся! Радуйся!»

Поет Алт, а птицы к нему слетаются, подпевают, звери сбегаются, как собаки ручные, у ног валяются. А приумолкнет Алт, птицы клювом теребят, звери лапами скребут, мол, пой, повесели душеньку! Так попривыкли к пению Алта люди мест горных, что с той поры край наш так и зовут Алтаем. А белый цветок дикой мальвы, что полюбился Алту, – алтеем.

В нашем краю все неспроста. Где повыше, белым-бело от снега, от цветов, а чуть пониже – алтей розовый. Белые цветы вроде как в гору утопывают, а розовый алтей на ягодные да открытые места выбегает, словно знает, что надобен людям и не только красы ради.

А вот что добрые люди про цветок этот сказывают.

Было у Алта четырнадцать детей, семеро из них – дочери. Всех любил Алт, но больше всего болело сердце его за младшенькую, Ануту. Старшие дочери статные, здоровые, умелые, быстро разлетелись из его гнезда, а младшая засиделась в девках. Лицом она была краше всех дочерей, но худенькая, слабенькая да еще и хроменькая. Кто на такую польстится? На Алтае женщины и мужскую работу порой справляли, дрова кололи, с ружьишком в лес хаживали, коней обьезжали, да мало ли что понадобится... А хромоножка то полежит чуток, то до ручья пройдетя и опять посидит, отдохнуть ей надо. Лечили ее старухи-ведуньи, да не вылечили, только хуже сделали. Ануте в ту пору двадцатый годок пошел, совсем закручинилась девушка.

– Видно, не судьба мне счастливой быть. Так и помру в перестарках.

Сказала и пошла к ручью водицы испить, птиц послушать, тоску развеять.

Зачерпнула воды ковшом – и чуть не разлила. Слышит за спиной: хруп-хруп. Идет кто-то по камушкам. Как спускалась к ручью, никого не видела: ни зверя, ни птицы, ни человека чужого. Вот и обомлело сердце. Но набралась смелости и оглянулась. Стоит перед ней мужик невысокий, на здешних не похожий, разве что на китайца узкоглазого смахивает. Стоит себе, улыбается и рукой манит.

Вроде, чего к чужому подходить? А ноги сами идут. Подошла, а китаец и толмачит жестами, дай, мол, водицы испить. Только разок пригубил – и опять маячит, ты пей теперь.

Засомневалась Анута, по ее вере нельзя с чужаком из одной посуды есть-пить. Засомневалась, а любопытство пересилило: отпила глоток. А вода сладкая, точно мед! Так почти весь ковш и опорожнила, осталось воды на самом доньшке. Глядь-поглядь, а китайца нигде не видно.

Чувствует Анута, силы ее вдвое возросли, плясать хочется. Прислушалась, что за журчание, что за щебет из рожицы? А это чей-то голос говорит ей:

– Сделай, Анута, как я тебе велю, и будешь всю жизнь счастлива и здорова. Подойди к терновому кусточку, уколи пальчик, выдави крови капельку в ковшик, взболтни остатки водицы и полей алтей да смотри, что будет.

Поступила она, как велено, и за одну минуточку превратился белый цветок в розовый.

– А теперь выкопай корень, высуши, в семи водах за семь дней вывари, смажь медом и скушай. А через три недели вся судьба твоя переменится.

Сказано – сделано. Как только отведала Анута корня алтея, порозовели щечки, расцвели глазки, запели губки, а ножки сами в пляс пошли. А в то время сестры в отцовском доме гостили. Увидели они, как пляшет Анута, сами от радости заплясали.

Совсем иной стала Анута, от прежних бед только легкая хромота и осталась, да кому до нее дело, если в руках красавицы все заиграло, запело: пирогов напечет, холодец насечет, белье постирает, с дитем поиграет, и все легко да с песенкой, словно вдунули в нее силу женскую.

Вести не лежат на месте, узнали о чуде соседи, стали к Ануте засылать сватов от женихов самых лучших. Скоро выбрала Анута себе жениха по нраву и по стати подходящего. И зажили они лучше некуда. Стали звать Ануту «умелицей», а не так, как прежде, «хромоножкой». Что от хромоты той, если в работе не мешает и красоты не убавляет. И уточка похрамывает, да селезень ее одну только и видит.

Как поженились молодые, рассказала Анута мужу про встречу с китайцем да про цветок целебный. И решили они семена розового алтея сеять везде, где их дети надумают дом строить, новую семью ладить.

Как поедете по горной дороге, розовый алтей вам сам покажется. Вон каков! Хотите – смотрите, хотите – корень с собой берите. Что ни сделаете, все в пользу. Красота и сила травная душу и тело исцеляют, счастья добавляют.

КРУЖЕВНОЙ ТЕРЕМ

У деда Алта много внуков-правнуков было. Случалось, соберутся они в просторном доме Алта сказы-рассказы слушать – тесно, но пошевелишься лишний раз. Больше всех дедовы сказы любила меньшая внучка Ануты, Латуя. Отца-матери у девчушки не было. Мать потонула, а отца, еще до рождения Латуи,

медведь задрал. Потому-то жила она у бабушки своей – Ануты и каждый день деду Алту молоко носила. Только темнеть начнет, а она уж тут как тут.

– А вот и я, деда. Поди заждался?

– Да уж как наскучался, сказать не могу! Весь день в окошко поглядывал.

Внученька прижималась к Алту и плакалась:

– Скажи-ка, деда, пошто меня все ребятишки дразнят: «Рыжа, рыжа, сядь поближе!» Али еще хуже: «Конопата, конопата, била дедушку лопатой...»

– Дураки они, вот и насмеваются. А ты у меня внученька хорошая, заботливая, молочка мне опять принесла...

Однако Латуя не унималась:

– Ты добрый, потому и любишь меня. А мне мало что ребятишки житья не дают, так еще и мамки их парку подбавляют: «Вишь, чубаренькая идет. Лицо, как яичко перепелкино», – и хихикают. Нешто мне не обидно, дедуля? Дядьям моим все в пояс кланяются, а надо мной только посмеиваются.

– Ну и пусть себе ржут, коли не видят, какая ты у меня славненькая. Только вот что я тебе посоветую: примечай, за что народ дядьев твоих уважает да по имени-отчеству величает.

– Что ж они такого сделали? Мужики как мужики...

Засмеялся Алт.

– Это, конечно, верно. Только люди зазя свое почтение не раздаривают. Мастера твои дядья большие, за тысячу верст других таких не сыскать: и дом построят, веками стоять будет, и коня подкуют, до самой погибели не раскуется, и хлеб вырастят, не только себе, но и людям на две зимы хватит. А больше всего сердце лежит у них к делу камнерезному. Такой красоты я отродясь нигде не видывал.

– Правда, деда, вот и мне они такую шкатулочку славную изладили, сколько гляжу, не нагляжусь. А кувшинчик лазуритовый, когда спать ложусь, под подушку кладу: боюсь, что за ночь он куда-нибудь денется. Такой ладненький, весь в золотистых искорках.

– Так вот, внученька, коли хочешь людского почтения, запасись умением.

– Что же я такая маленькая сделать-то могу?

– Многое, внученька. Научилась же ты у бабушки Ануты с хозяйством управляться: и полишки помоешь, и бельишко простирнешь, и блинков напечешь... А упроси-ка ты бабушку, пусть научит тебя прясть, вязать-вышивать.

– Я уж, деда, спрашивала, говорит, что я еще ростом не вышла...

– Рост дело наживное. Сотворю я тебе детскую прялочку – и будешь ты нитки прясть да носки вязать.

Расцеловала Латуя деда и домой побежала.

С той поры Латую никто без рукоделия не видывал. Идет во поле козу пасти, с собой ниточек клубочек да крючочек прихватит. Усядется в теньке – и выплетает, вывязывает узоры один лучше другого. Стали люди замечать, что она мастерством да быстротою любую взрослую кружевницу за пояс заткнет.

Жили Анута с Латуей вдвоем: муж Ануты год как помер, а детки по свету разлетелись-разбрелись. Откуда при таком раскладе достаток? Вот и с хлеба на воду перебивались, пока Латуя рукоделием не прославилась. Не все бабы мастерицы, есть такие, которые щей не сварят, мешок не сошьют. Но красота в доме для всякой женщины в радость, особо по праздникам. Стали люди про-

свить Латую то кружевце сплести, то наволочки расшить. Сделает, а бабы только руками всплеснут:

– Ай да умница, ай да мастерица!

Обнимут, расцелуют да пирожок или десяток яичек – на стол: «Угощайся, не побрезгуй, умелица!»

Сытней да радостнее стало в доме Ануты. Никто уж теперь не дразнил Латую. Мамки деткам крепко наказывали не обижать кружевницу. А сами при встрече на улице как взрослой кланялись, в гости чайку испить звали.

К той поре подросла Латуя, а как минуло шестнадцать годов, стала заглядываться на красавца-кузнеца: чуб кучерявый, глаза черные, золотых искр полные, косяя сажень в плечах и росту великанского. Латуя на цыпочках до подмышек ему не доставала.

Звали кузнеца обыкновенно Иваном. А уж Латуя сто имен ему ласковых придумала: Иванушка, Иванчик, Ивушка...

Сядет, бывало, с рукоделием к окошечку, поглядывает, не пройдет ли кузнец по улице, ласковые имена Ивановы нашептывает. Кузнец на девицу не глядит. Тех, что понахальнее да сами на шею вешаются, как не заметить, – который раз и потискает какую-нибудь девушку. Латуе до слез досадно.

К тем годам выровнялась она, похорошела: волосы – чистое золото, веснушки которые попрыгали, а которые побледней стали. Чем плоха? Носик махонький, глазки ясные, синие, и не ротище, как у иной, а уста сахарные, алые. Правда, росточком не вышла. А так, чисто куколка! Однако из ниточки счастье не выплеть, хотя кто знает...

Пошла Латуя с любимым лазуритовым кувшинчиком по воду к ручью быстро-му. Прихватила клубочек ниточек с крючком. Испила водицы, домой набрала для бабушки. Пора возвращаться, да не хочется: калина цветет, птахи щебечут-заливаются. Хорошо! Присела она под кусток калиновый и за рукоделье принялась.

Слышит рядышком:

– Хыр-хыр! Хыр-хыр!

Словно кто похрапывает... Глянула влево, а меж кустов калиновых, как в гамаке, паучок с яблоко величиной в паутинке покачивается и тоненько похрапывает.

Рассмеялась девушка – паучок и проснулся, рассердился, к Латуе подбежал:

– Чего без дела по лесу шатаешься да старичков-паучков будишь?

– Не сердчай, паучий царь. Не со зла я, больно смешно ты похрапывал, – сказала Латуя и удивилась, что с пауком по-людски беседует. – Я вот тоже свою паутинку выплетаю, гляди, – и протянула рукоделье пауку.

– Неплохой узор выводил, бывал я у людей в домах по своим паучьим надобностям, но такой красоты не видывал. Прости старичка, что бездельницей обозвал, я шибко злой спросонья.

– Что уж, дедушка-паук, твое дело стариковское на солнышке лапки греть да ворчать маленько. Не в обиде я, а вот гамак твой особенный, узор сказочный...

Паук от похвалы такой приосанился, лапками по бокам похлопал.

– Знамо дело, не дерюжку плел! Хорошие слова ты сказала, потешила старика, пойдем, покажу я тебе терем кружевной.

Побежал паучок-старичок вдоль ручья, а Латуя – за ним. Скоро дошли до пихты высокой. Издалека – словно снегом обсыпана, а близко встанешь, кружева

заметишь, да не простые, из нитей серебряных, золотых, радужных. Из одних кружев – стенки, из других – оконца, из третьих – крыша затейливая. Настоящий терем кружевной.

От изумленья замерла Латуя, глядит во все глаза, а сердце от радости к горлу подкатывает. Такое и во сне не приснится. Кругом золотистые паучки бегают, на ниточках качаются, кружева плетут.

– Гляди хорошенько, Латуя, запоминай узоры, это тебе в работе сгодится.

Солнце в ту пору за горку стало закатываться. Всполошилась Латуя, домой до тмени добежать надобно.

– Пора мне, царь-паук: темнеет. Спасибо за науку, век не забуду! – и поклонилась в пояс.

– Не спеши кланяться. Возьми гостинец – кружевную корзиночку, а в ней клубочков несколько. Золотые нити, серебряные, радужные. Рвать будешь, не порвешь, такие крепкие. Хватит тебе ниток все приданое изладить. Как закончишь плести – тут твоя судьба в двери постучится. А теперь ступай себе к бабушке.

Воротилась Латуя из лесу веселехонька, бабушку обняла, расцеловала, но о том, где до темна гуляла – ни слова. С утречка принялась Латуя за работу. Бабушка в поле ушла целебные травы собирать, а Латуя села у окошечка узоры диковинные выводить. Красота душу всю в полон берет, на пустое времени не оставляет. Невсегда ей и в окно глянуть, скорей хочется приданое изукрасить.

Шел как-то мимо окон кузнец Иван, слышит – песенка льется, глядит – девица у окна сидит, вяжет что-то. Подошел поближе. Хороша девушка, вроде и знакома, а вроде век не видал: волосы золотые в тугую косу сплетены да через плечо переброшены. Вся из себя ладненькая, складненькая. А Латуя так песней увлеклась, что и не слышала, как кузнец подошел к окошечку. В другой бы раз Иван шутку какую подкинул, цветок в окно забросил, но тут заробел. А сердце, как молот, тук-тук, тук-тук!

Стал он мимо окон каждый день прогуливаться, у дома поджидать, не выйдет ли под вечер красавица. Нет, не идет Латуя: с утра до ночи сидит и вяжет, если и глянет мельком, только улыбнется, а слова не скажет.

Стали соседи над кузнецом подшучивать:

– Не все тебе девок печалить. Походи, милок, помайся...

А Ивану и насмешки нипочем, ходит под окнами, как присушенный. До того извелся парень, что худ стал, бледен, еле молот свой кузнецкий поднимает.

Сжалилась бабушка девицы, в дом позвала:

– Заходи, попроси у Латуи водицы.

Девушка в ту пору все приданое изладила, в платье нарядилась поглядеть, в пору ли. А тут – стук в дверь.

«Вот тебе и подарочек!» – подумала Латуя, завидев кузнеца на пороге.

А Иван-то, увидев хозяйшку наряженную, от изумления слов лишился.

– Проходи, коли пришел, – молвила девушка, а дальше и сказать не знает что...

Сидят, друг на друга глядят.

Вошла тут бабушка Анута:

– Хватит в гляделки играть, напои гостя чаем...

Скоро Иван сватов заслал, сыграли хорошую свадьбу и зажили молодые, как люди.

Сколько-то годов прошло. Прознали о мастерстве Ивана-кузнеца и Латуи люди из дальних городов и селений, стали к ним в гости наезжать, воротца узорчатые, скатерти ажурные заказывать.

Умение свое кузнец с кружевницею детям передали да наказывали не терять жизнь попусту, а дарить свое мастерство людям, радовать их сердца красотой рукодельною.

Царя-паука ни Латуя, ни другие люди в тех местах больше не встречали, правда паутинку радужную плетенья сказочного сколько раз видели.

БЕЛОВОДЬЕ

Долго жил дед Алт. Уж и у внуков свои внучата народились, а дед Алт был веселехонек и здоровехонек, годов до ста всякую работу по хозяйству справлял не хуже молодых мужиков, а как силы оставлять стали, все больше на солнышке сидел, в дуду играл да песни пел. Любил он по лесочку прогуляться, грибы-ягоды поискать. Однако стали замечать люди, что не грибы он с некоторых пор из лесу корзинами носит. Спросили, а он и таиться не стал. Открыл как-то туес, а там – камня самоцветные. Не булыги какие-нибудь, а, сразу видать, красота земная: малахит ситцевый рисунку отменного, хрусталь с золотыми искорками, агат голубого цвета...

А дедок-то и сказывает:

– Пойду в лес. Гляжу – кочка, раздвину посохом листочки, а там... подарочек каменный да всякий раз иной, один другого лучше.

– Что же ты с этими камнями творить надумал? Ни инструмента подходящего, ни мастера по камню за сто верст не сыскать...

– А собираю я камень для сердечной радости: разложу по уголочкам, по палочкам, сам гляжу не налюбуюсь, и внуки на них радуются, так и эдак в ручонках вертят – сказку ищут. Каждый камешек особый: то на царь-девицу, то на змея летучего похож.

Говорит так-то и посмеивается... Чудак человек!

Пошел он как-то в лесок ближний. Дело-то было уже к зиме, вот-вот снег посыплет. Но день выдался теплый, ясный, веселый, как сам дед Алт. Идет он леском, песню напевает и листвою шуршит, где кочку малую приметит. Грибов не набрал даже на жареху и каменьев ярких да ладненьких всего парочку отыскал. Однако чего ж печалиться, прогулялся, косточки размял, и то дело. Хотел было дедок назад ворочаться, но углядел у куста побуревшего, усохшего алтея кочку, да не маленькую, с хороший пенек. «Камень там, поди, большой – не унести. Пушай дальше в лесу гостюет, а уж коли на глаза попал, не уйду, пока не налюбуюсь». Подошел дедок поближе, задел только за листок, остальные сами отлетели. Глядит дед Алт – и глазам не верит: то не камень, а живая веточка алтея со цветочками белыми. Чудо да и только! Даже слезы на глаза Алта навернулись. Пока вытирался рукавом, цветок исчез, словно и не было вовсе; огляделся, кругом пусто, украсть цветик некому. Глянул в небо, а над тем местом, где только что цветок белел, птица лебедь кружит. Подлетела она, на траву села, голову склонила, мол, здорово, старинушка.

Присел Алт на корточки, а лебедь – ближе, к нему тянется, на колени голову кладет. «Сроду в наших местах птицы такой не бывало», – подумал дедок.

А птица-то белая за одежду тянет, дескать, пойдем, Алт, за мной следом.

Потянула так – и взлетела, но упорхнуть не торопится. Пошел дед по тропе, какую ему лебедь указала. Бредет, а сам подумывает: «Что ж я, дурень старый, за птицей увязался, дома-то меня, поди, уж хватились...»

А птица-то ему с небес возьми и молви:

– Не пугайся, дедуля, веду тебя в долину заветную, век помнить о таком го-
стинчике будешь...

Дедок-то обомлел поначалу, но потом ничего, обыгался и говорит:

– Мы народ пуганый. Чего мне болтушку-лебедушку пугаться?

– Иди за мной, Алт, ни о чем не кручинься: скажут проезжие твоим домочад-
цам, что гостюешь ты у свояка, они и успокоятся.

Шел Алт за лебедью до самой темноты, добрался до горного ручья. Испил воды, съел горстку ягод, глядит, а лебедь опустилась на землю и крыльями машет, как мельница. До той поры воздух метелила, пока не согнала в кучу побольше листьев сухих.

– Ложись, – говорит, – дедок, отдыхай!

Покряхтел он маленько да и захрапел.

Проснулся с утречка – кругом иней, но по телу Алта такое тепло разливается, словно спал он летом на солнцепеке. Это лебедь белая его своими крыльями со-
гревала.

Лесные люди подымаются вместе с солнышком. Встал дедок, отряхнулся, в
лицо водицы из ручья поплескал, отщипнул ягодку рябиновую – и в путь готов.

Сколько верст от дома отмахали, а все дороге конца-краю не видать. Через
четыре горушки перевалили, через три речушки перебрались, дошли до водопада.
А идти-то дальше некуда: с одной стороны чашоба, бурелом, с другой обрыв.
Подошел Алт к самому краю пропасти – и обомлел: внизу долина широкая, со
всех сторон горами окруженная, а в долине той град стоит, маковки на солнце
горят, точно радуга, в середине города – озерцо, и все дома, как олени к водопою,
к нему сбегают.

Понял Алт, что привела птица белая его в долину заветную. Только как туда
попадешь? Разве что на крыльях...

А лебедь над ним кружит и молвит по-человечески:

– Возьми ниточку серебряную, держи крепко за свой конец, другой я к лапам
привяжу.

Взял Алт ниточку, намотал на кулак.

– А теперь закрой глаза да смотри ниточку не выпускай!

Послушался дед. Взлетели они высоко. Пока не опустились на землю, дед веки
не размыкал. А как проморгался, диву дался. Стоит он посередь города небыва-
лого. Дома все с маковками разноцветными. Люди идут навстречу – в одеждах
белых и улыбаются ему все, словно красну солнышку; в пояс кланяются.

Остановил он девицу и спросил:

– Что за город чудный? Что за люди такие светлые?

А девица улыбается, губ не размыкает, а Алту слышится:

– Беловодьем зовут, дедушка, а еще Шамбалой. Житье здесь хорошее, вот
люди, как цветы под солнышком, расцветают. Каждый хорош по-своему...

Непривычно деду так-то беседовать, он и спрашивает:

– Как же ты, доченька, речь ведешь, а губ не открываешь?

– Мы уста, дедушка, размыкаем только для пения. Для разговора – довольно глянуть в глаза – и понимаем друг друга без всякого обмана словесного.

– Выходит, это я мысли твои услышал?

– Выходит, так.

Поглядел кругом Алт – и не знает, куда пойти, места-то незнакомые. И лебедь куда-то подевалась... Тут вышел на крыльцо дома, из хрусталя излаженного, старец и направился прямо к нему.

– Здравствуй, Алт, давно я тебя поджидаю, проходи в палаты хрустальные, гостем будешь.

– А кто ты таков? И откуда мое прозвание знаешь?

– Я-то? Кто как зовет, но все больше Учителем да Премудрым. От рожденья дано мне слышать и видеть на много верст вокруг.

– А не знаешь ли, Премудрый, для чего я в город сей чудный попал?

– Как не знать? Силен ты, здоров, но пришел за силою, которая в сердце копится и людям в помощь, от силы той и жить, и умирать, и летать – все легко. Поживи-ка девять дней, все и узнаешь.

На второй день гостевания надоело Алту без дела сидеть: пошел по городу, может, где его помощь надобна. Идет по улице, а дома кругом, как храмы украшены, да на каждом яркая маковка.

Спрашивает дед пробегающего мимо мальчишку:

– Скажи-ка ты, малец, отчего дома ваши светятся, словно храмы чудные?

И услышал в ответ старинушка:

– Каждый дом у нас – хоромы божьи, оттого что вера с рожденья до смерти сердца людей долины заветной освещает, от дурных помыслов отводит.

– Это ж сколько надо камней, злата-серебра, чтобы такую красоту изладить?!

– Много, дедуля, да народ-то у нас не ленивый, видишь, с самой зорьки трудится, и не все на своем подворье. Помочь соседу – дело святое. А камней-то в пещерах вокруг долины великое множество. Хочешь, покажу?

– Пойдем, коли недалече...

Только добрались они до ближней горки, глядь, а под ногами самоцветов – видимо-невидимо, заглянул дедок в пещеру, а там самоцветов – того более, глаз не отвести. Малец поднял камешек – да и подает деду Алту.

– Бери, дедуля, этот камень голубым алмазом наши старатели прозывают, говорят, что чудеснее его нигде не найти. Да возвращайся в город, а мне со зверями покалякать надо, навестить детушек лисицы...

И пошагал мальчишечка скоро тропой горною.

Воротился дед, идет широкой улочкой, а по обе стороны пути сады цветут.

«Надо ж, – думает Алт, – за горой уж зима скоро нагрянет, а тут теплынь, словно только-только весна настала...»

Идет дальше. Видит, девица деревцо сажает. «Дай, – думает, – помогу...»

– Бог в помощь, красавица! Ты землю в лунку кидай, а я придержу деревцо-то.

Засмеялась девушка, словно солнышко брызнуло, хорошо так Алту стало.

– Вдвоем-то веселей, – сказала девица и песню запела хорошую, протяжную да складную.

Пока пела, они деревцо посадили.

Многое в долине заветной было в диковину Алту. На третий день пошел он к озеру воды набрать. Только склонился – выныривает из глубины не чудище какое, человек – не человек, но на людей похожий сколько-то: глаза большие, нос махонький, рот щелочкой и сам изнутри будто светится маленько.

Не оробел дед, уж привыкать ко всяким чудесам начал, и спрашивает незнакомца:

– Кто ты? Дух святой или человек простой? Скажи, не гордись.

И услышал в ответ, словно звон колокольчиков, таковы слова:

– Каждый, кто в долине живет, душой и лицом светлеет, а чем больше живет, тем больше в человеке света чудесного и меньше срама телесного. Не дух я святой, но и не человек простой...

– А как свету-то набраться?

– Вставай до солнышка – и дари добро тем, кому оно надобно, до самой темени. А настанет ночь, не забудь небом звездным полюбоваться, в своей душе разобраться...

Сказал так незнакомец, от которого свет и тепло лились большими волнами, и в озеро нырнул.

На другой день подошел Алт к зеркалу. А морщины-то разгладились и лицо такое, словно прожил он свои годы немалые без забот и тягости в одной радости. Чует старинушка, что с каждым часом силы его добавляются, а тело, будто легкое перышко, само с кочки на кочку, с горки на горку перелетает. Вышел как-то раным-рано, а в небе народ порхает... Ну, чисто птицы, высоко по-над горами кувыркаются в небе, друг с дружкой перекликаются. Захотелось и Алту в небе покружиться. Пришел он к Премудрому. Хочу, мол, птицей над горами порезвиться.

Премудрый покачал головой с укоризной:

– В долине заветной летаешь, но не вздумай уменье свое за горами показывать: али, как гуся, дурак какой подстрелит, али еще чего хуже случится...

Взял Премудрый хрустальный шар, покрутил его в ладони, нацелил радужные лучи на Алта – и тот взлетел. Раскинул он руки широко – еще выше приподнялся. Долетел до дома хрустального, на крышу опустился – и тут только испугался.

– А не навернусь ли с высоты эдакой, не разобьюсь ли в лепешку?

А Премудрый ему снизу кричит:

– Небо для отважных сердец открыто. Как до конца высветлится твое сердце, наполнится бесстрашием, ты и без шара силы летать сможешь. А пока раскинь руки, отринь страх – я тебя с крыши спущу.

Как очутился Алт на земле, подлетела к нему лебедь белая, его старая знакомая.

– Загостился ты, дедушка, пора и честь знать. Нагляделся ты на чудеса разные, наслушался песен и преданий, научился делу камнерезному. Время домой – десять дней минуло...

Поглядел на деда Премудрый взором ясным.

– Набрался ты силы, Алт, пора ее людям ворочать. Бери свою котомочку с инструментом да камушками, закрой глаза, досчитай до десяти...

Сделал Алт, как велено, а как разомкнул глаза – стоит он на опушке знакомого лесочка, и дом родной видать. Как домой явился, в божий угол поклонился, рассказал он о чудесах увиденных самой разумной из детей своих Ануте. Сыновей научил Алт делу камнерезному, такой красоты чаш и шкатулочек никто потом в наших местах не делывал. Глянешь на такое деланье – дух займется от радости.

Внуки-правнуки понесли по свету сказы-рассказы да песенки, что слышали от деда вечерами зимними. Годов двадцать пожил еще Алт, пока не раздарил силу, в заветной лощине добытую, людям добрым. А как пришло время помирать, стал он светел и легок, как облачко летнее. Заглянул как-то в горницу внучек – и замер от удивления: поднялся дед с лавки, раскинул руки – и в открытое оконце выпорхнул. Только его и видели!

Может, что и приукрасили люди, да одно верно: свет, сколько ни дари, он еще пуще разгорается, и от доброго слова и милого дела душа завсегда легче перышка...

ВАНЯТКИН ВЗГОРОЧЕК

У каждого места, особливо у богатого, свой хозяин, свой страж. Без того и сохранности всей красоте земной не было бы. И на Алтае хозяйева да охранники имеются. Как не быть, если кладов земных не сосчитать. Сказывают, как помер дед Алт, на другой год стал в горах путникам какой-то человек беловолосый являться. Сначала дети да внуки Алта с ним встречались да людям вроде как по секрету сообщали, как да что.

Появится среди леса облачко белесое, подойдут, а это он и есть, человек беловолосый, и на деда Алта похож, как две капли воды. Поманит за собой, а сам вперед быстрехонько, – и не идет, а плывет по воздуху, – за камни не запинаясь, в речках ног не мочит. Жадному да злему лучше за дедом не гнаться, таких молодцов Алт сразу видит. Заведет в какую-нибудь чащобу непролазную и там и бросит. Много таких охотников за богатством в лесах сгинуло... А доброму человеку повстречать деда беловолосого к счастью-радости.

Жил в одном горном селении парнишка, Ваняткой звали. Шибко смышленный был тот малец. Уж в десять годочков почти всю мужскую работу справлял, за домом приглядывал, щи-борщи варил, малых сестер-братьев кормил. Хороший, одним словом, мальчишечка.

Вот пошел он как-то за село дикого лука нарвать, мамка пироги собралась с яичками напечь. Подошел он к взгорочку: ближе к маковке белый алтей цветет кучно, ровно снегом горка присыпана, а у подножия лука бери – не хочу. Быстрехонько набрал Ванятка корзину полную. Поглядел вверх, близко ли солнышко к земле склонилось. И обомлел парень-то. Стоит перед ним старик, про которого ему бабушка сказывала, ну в точности такой, и волосы белые до плеч, лентой перехваченные, и повязка на лбу синяя, как небо, а лицо улыбкой так и светится...

– Здорово, Ванятка, айда за мной, шибко хорошее место покажу, – и манит за собой мальчонку.

Солнышко-то уже сильно к закату склонилось. Замешкался Иван-то, ведь, чай, маменька ругать станет, ежели где в чащобе загуляется... Но любопытство-то свое взяло, пошел он за старичком. Перевалили они через пару-тройку горушек, тут им открылось место красоты особой. Меж двумя скалами речка быстрая петляет, а по берегам булыг огромных, валунов, с избу величиной, множество, и все разноцветные. Подошел старец к одному, стукнул пихтовой веточкой, камешек и раскололся, а скол-то не рваный, а словно зашлифованный. И увидел Ванятка малахит ситцевый, рисунок самого отменного. И ахнул от красоты такой.

– Ой, здорово, дедуля!

– Гляди, Ванятка, да хорошенько место запоминай, тут каменьев множество, да все царским хоромам под стать. Есть и золотишко, да крепко спрятано.

– А мне оно на что, деда?

Засмеялся дед.

– Оно и верно. Тебе вот учиться надо, знаю, какой ты головастый да проворный. Слушай и запоминай, что скажу. Как вернешься домой, отцу-матери ничего не докладывай, так, мол, заплутал маленько, вот и припозднился. А наутро беги в избу, где инженер горный квартирует – и напрямик к нему. Зовут его, как тебя, Иваном, Иваном Парамонычем. Передай ему, велел дед Алт отправить тебя в город горному делу учиться. А коли согласится, покажи ему место заветное, да скажи, что каменьев, самоцветов всяких тут полно, есть и такие, о которых еще никто и не слыхивал...

Проводил дед Алт Ванятку до самого села и растаял белым облачком.

Поутру побежал мальчонка к инженеру горному.

Тот послушал, что ему парнишка лопочет, в затылке почесал и молвил:

– Хорошо, будь по-вашему.

Напоил он мальчонку чаем с сахаром колотым, и пошли они каменную кладовую искать. Быстро нашли, вроде вел их кто.

– Вот, – говорит Ваня, – сколько добра и красоты каменной! Поверх земли лежит, бери сколько надо.

По осени Ванятку отправили на учебу в город, а на месте, которое указал дед Алт, большая добыча каменьев началась.

Прошло сколько-то годов. Ваня выучился на горного мастера (дальше-то простому люду ходу не давали) и вернулся в свое село. Помер к тому времени Иван Парамоныч, а умирая, наказал, чтобы как приедет Ванятка, сразу его на должность инженерную определили. Так все и случилось. Хорошим мужиком вырос Ванятка, и стали его звать по отчеству Пантелеичем. Рабочих не обижал, начальству, как понаедут, который раз и укорот давал. С той поры прославились места наши. Понаехало народу с разных краев.

Потом, когда Иван Пантелеич богу душа отдал, вырос на месте поселка город. Город тот и сейчас стоит, только камни-то, что поверх земли лежали в давнюю пору, вроде как в гору спрятались... Остался только Ваняткин взгорочек, на макушке бело от алтея, а у подножия зеленым-зелено от дикого лука... А старика Алта в горах и по сию пору добрые люди встречают. Которому камешек найти пособит, которому – самородок, всякому по его доброте и надобности.

КУВШИНЧИК ЛАЗУРИТОВЫЙ

На Урале горы вдоль да поперек изрыты, почитай все богатство из каменных кладовых вынута. А наши-то клады земные хорошо от жадных глаз сокрыты. Только и знают люди про яшму алтайскую, рисунка особого, по всему свету о ней слава пошла. Однако богатству нашему самоцветному любой край позавидовать может. Оттого и много среди гор и лесов здешних людей в каменную красоту влюбленных, камнепадами их зовут, с каждым камешком разговаривают, а то и в избу несут, в красный угол кладут. Так-то, в свое время, дед Алт шибко запал на камни, отовсюду ташил в дом самоцветы разные. Из самого Беловодья, говорят, принес лазурит цвета особого, ярко-синего, а в глубине – искорки золотые, как звездочки

на небе ночном. Из того камня изладил сын деда Алта кувшинчик махонький да и подарил Латуе. Пока несмышленная была, все с тем кувшинчиком поигрывала, а замуж пошла, в сундук спрятала, как память дорогую, да за делами-заботами позабыла о нем. Долго у Латуи детей не было, видно, застудилась али еще что, но годам к тридцати народилась у нее девчушка. Назвали ее Любушкой, шибко любили друг дружку Иван с Латуей, а как дите появилось, вовсе складно да ладно зажили, загляденье одно, оттого и дочку прозвали Любушкой, Любовью, значит

Иван с Латуей на девчушку не надыхатся, не налюбуются, а она, как листок к стебельку, к родителям льнула. Только говорить научилась, а уж сказки любила: сахаром ее не корми, а дай сказку послушать.

Сядет Латуя рукодельничать, а Любушка уж вот она, прижмется головой к мамкиным коленкам да и шепчет тихонько:

– Расскажи сказку, маменька, я шибко чудеса люблю.

А то еще стала Латуя замечать: возьмет Любушка в руки цыпленка, поглаживает и что-то бормочет.

Спросила как-то она доченьку:

– Что ж ты шепчешь, милая?

– Это я цыпочке сказки сказываю, а чтобы не пугалась, говорю тихонько...

В ту пору Любушке-голубушке годика три-четыре минуло, не более.

Вспомнила Латуя про игрушку свою любимую – кувшинчик лазуритовый, да и говорит доченьке:

– Погляди, какое чудо у меня в сундуке припрятано.

Достала кувшинчик. А Любушка так пухленькими ладошками и всплеснула.

– Ай да кувшинчик! Поди, волшебный?!

– Волшебнее не бывает. Будешь с ним играть, а придет время, он тебя от беды спасет. Только не любят чудесные вещи пыли да грязи, смотри за ним хорошенько, чаще водой споласкивай, вот он силу свою волшебную и не растеряет.

– Уж не сомневайся, маменька, сделаю, как сказано.

Любушка в кувшинчик заглянула. А там – камешки всякие разные: какие водой отточенные, какие дядьями Латуи ограненные. Высыпала девочка камешки в подол, раскатились малахитовые пуговики, гранатовые бусинки да пара колечек.

Понравились камушки Любушке:

– Я теперь наряжусь как царица.

Больше всего прихлились ей по сердцу гранаты красные. Взяла она бусинки в горсточку и к сердцу прижала:

– Трумочки мои!

С той поры девчушка спать с бусинками ложилась и весь день из рук не выпускала. И прозвали ее домашние Трумочкой. А кувшинчик, как обещала маменьке, каждый день Любушка мыла-полоскала, а заодно и бусинки да пуговики. Бывало, вымоет, протрет все тряпочкой да на лавочку свою детскую положит, а сама сидит, любит, ждет, когда кувшинчик волшебной силы наберется.

Как-то вечером ушли отец с матерью к соседям в гости, а Любушку домовничать оставили да за грудным дитем приглядывать. В казачьем селе никто не озоровал, бандитов не было: от проезжих дорог далеко. Вот и не боялись люди, дома не запирали, у многих собак во дворе не было. Ушли родители. Укачала Трумочка братца, а сама уселась в своем уголке с кувшинчиком поиграть, вдруг слышит – загремели в сенях ведра. Не испугалась девочка, лишь подумала.

– Однако соседка за солью забежала...

И пошла дверь отворять. Распахнула, а из самой темени на нее дядька страшный глядит: глаза по блюдцу, борода лопатой, а сам лохматый.

Он с ходу спрашивает:

– Одна ты дома, детонька?

А у самого нож в руке посверкивает.

Зашлось сердчишко у Любочки.

– Мамка с папкой у кумы гостюют, а я с братиком нянчусь.

– Это хорошо! – пророкотал бацищем незнакомец, да и в горницу ввалился.

Только успела девочка подумать: «Все люди как люди, прямо ходят, а этот, как зверь дикий, напружинился, чуть на стенки не прыгает». А гость незваный, в одеже драной, уселся за стол без приглашения.

– А что это в руках у тебя, дочка?

– Кувшинчик с богатством моим.

У разбойника глаза-то так и заиграли.

– Дай-ка, посмотрю!

А девчонка, хоть малым мала, а сметливая уродилась, дала ему кувшинчик и говорит:

– Ты, дяденька, погляди мои драгоценности, а я в сарай сбегая, яичек тебе на ужин наберу, – и только ее и видели: бегом за сарай, летом через забор – да к соседям.

Разбойник-то сперва по дому пошарил, но нигде денег не нашел, а богатства у простого люда известно сколько: шаль да юбка для христового дня. Высыпал он из кувшинчика камешки, вдруг не врет девчонка, может, и вправду в кувшине все богатство лежит. Глядит – а перед ним бусинки да пуговики какие-то. Осерчал дикий человек да и хлопбыстнул кувшинчик об пол. Разлетелись осколочки синие в разные стороны. Пока он шель да шевель, соседи набежали и родители Любушки подоспели, скрутили разбойника да в станицу увезли на телеге.

Видит Трумочка: остались от ее чудесного кувшинчика только осколки...

Слезы-то и закапали, а маменька погладила девочку по головке да молвит:

– Не плачь, милая! Спас тебя кувшинчик, да и братца твоего тоже: пока дядька-разбойник с пуговками разбирался, ты до соседей добежать успела. Выходит, кувшинчик-то и вправду волшебный. Сам разбился, а тебя в обиду не дал.

Много лет промчалось-пролетело. Выросла Любушка, хорошей девушкой стала – матери помощницей. Время-то идет себе дальше, нас не дожидается. Глядь, а Любушка уж в бабу Любу оборотилась да стала сказительницей, а самый лучший сказ у нее был про кувшинчик лазуритовый. Сидят, бывало, дети, слушают – не наслушаются, а бабка Любка обнимет внуков да рассказывает им тихохонько:

– Чудеса-то, они кругом, только разглядеть надобно.

ДЕДУШКА МЕДВЕДУШКА

В местах алтайских, в углах таежных Волковых, Лисицыных да Медведевых полным-полно. Что ни куст – зверь какой-нибудь прячется, что ни мужик – добытчик, охотник. Это навскидку так думается: чем промышляешь, от того и прозвание свое получаешь, посадил медведя на рогатину – вот и сам в Медведевых ходишь... Ан нет! Батюшка, Михай Иванович, иное сказывал.

Бабка его шибко любила малину собирать. Бывало, лапки обует, корзинку – в руки и бежит с подружками в лес. С птицей разговаривает да пересвистывается, пчелок веточкой отгоняет, а зверя дикого упреждает песенкой звонкой, мол, вот она я, здесь, вас не трону, да и вы не задирайтесь, маленько ягодок соберу – и домой пирожки печь.

А годков десять сравнялось, стала она в лесок-то одна хаживать: лес шуму-гаму не любит, сам разговорчив. Бабушку мою Акулиной назвали, а в детстве Линой все кликали. Войдет Линочка во лесок, поклонится кедру высокому, колокольчику лиловому.

– Здорово, лес-батюшка, пришла я к тебе от деревни-матушки, подари мне ягоду рясную, а я тебе – слово красное.

А лес-то чуток зашумит, зашепчутся листочки, зашуршат иголки, видно, по сердцу ему речи девчушки. Подойдет она, бывало, к кустику, а малина крупная сама в корзинку так и сыплется. Часок – и уж две корзинки ведерных полны. Присядет Линочка отдохнуть. А рядом-то благодать божия: белки прыгают, друг с дружкой играют, бабочки с цветка на цветок перелетают. А уж цветов-то! Море-океан. А трава-то высоченная, мужика доброго с головкой укроет! Птицы звонкоголосые то в листве прячутся, то к девочке подлетят, на плечико усядутся. Девочка возьмет горстку ягодок, птичкам поднесет, а они не пугаются, малинку поклевывают да песенки распевают.

Со зверем диким не встречалась она ни разочка, но наткнулась как-то на медвежонка в малиннике.

Испугался косолапый, а Линочка говорит ему ласково:

– Не бойся, мишутка, я тебя не съем, а малинки нам обоим хватит!

Медвежка и успокоился. Так и обобрали кустик, он со своей сторонки, а Линочка – со своей. Разомлели на солнышке, полежали маленько, а потом играть в догонялки принялись. Вечереть стало, спохватилась девчушка.

– Ну, мишутка, я домой побежала.

С той поры подружились они с медвежонком. Чуть не каждый день норовила Линочка в лесок заглянуть да с медвежонком порезвиться. Да без гостинцев не идет, то пирожок, то калачик, а нет, так хлебушка кусочек несет медвежонку угоститься, а он-то, в ответ, то ягодок, то грибков, то шишечек кедровых припасет.

Заметили люди, что девчушка-то в лес повадилась да всякий раз с полными корзинами возвращается. Любопытные да завистливые подглядели и всему селу разболтали: прикормила Линка медведей. От зависти людской всегда беды жди: стали часто на медвежью поляну люди захаживать, шуметь, покрикивать, поругиваться – оскудела поляна: ни грибов, ни ягод, ни птицы веселой. Разорили богатство лесное, а медведи в чащобу ушли.

Не встречала больше Лина медвежонка своего. Порой слышала, кто-то в малиннике шуршит, а поглядеть боялась: и она выросла, да и медведь-то меньше не стал. А жизнь идет себе потихоньку, вот и замуж Линочка вышла, вот и детушки большими стали. А одна из них, Катерина, бойкой девушкой выросла и любила по лесу гулять одинешенька. Забрела она в грибную пору в самую чащу и не знает, какой дорогой-тропинкой назад брести. Уж и темнеть стало. Глядит, медведь из-за кедра вышел и будто даже улыбается (или во тьме почудилось?), порычал дружелюбно – и навстречу Катерине вперевалочку на задних лапах пошел, ну ровно мужик под хмельком. Катя возьми да и рассмейся, а медведь давай

перед ней кататься да кувыркаться. «Видно, маменькин-то медвежонок подрос», – решила Катюшка – и сама давай прыгать и кувыркаться. Совсем стемнело, а медведь не уходит, уселся под кустом и ждет, когда девочка к нему прислонится, угмонится да поспит маленько. Обнял ее медведь мохнатой лапой, пригрелась она и уснула крепко, а поутру проводил косолапый ее из лесу.

Отчаюга была Катерина! И случилось ей поздней осенью с ярмарки лесной дорогой возвращаться. Одна поехала, никого дожидаться не стала. Ночь морозная звездная. Едет она, песни поет, но вдруг сердце затревожилось, возьми она, да и оглянись: а за санями волки гонятся. Страшно стало, позади волки, впереди лес. «Ой, мамоньки! Куда ж я, дурища эдакая, одна сорвалась!» Припустила она коней что есть мочи, а волки уже в спину дышат... Но вдруг, смотрит Катерина, отступать волки стали, а позади, со стороны чащобы, рык слышится. Кони с испугу – в сугроб. Глянула она на лесок, а на опушке медведь вздыбился, огромный такой, и рычит, на волков кидается. Волки, какие похрабрей, те на медведя бросились, да он их по снегу разметал, кому шею свернул, кому хвост прищемил – завизжала волчья стая, разбежалась, а побитые по кустам, поскуливая, расползлись.

Катюшка сидит в сугробе ни жива, ни мертва, лошади от страха всхрапывают. Медведь повернулся к девушке – лошади рванули, только держи! А девушка так в сугробе и осталась. «Ну, – думает, – смерть моя пришла...» А медведь-то стал на четыре лапы, подошел к ней, голову склонил: выкарабкивайся, мол, из сугроба, застудишься!

Выбралась она с медвежьей помощью на дорогу. Холод до костей пробирает, ноги как ледышки. «От одной напасти спаслась, от другой сгину», – закручинилась девушка. А медведь уселся перед ней и тихонько порыкивает.

Садись, мол, горемыка, довезу.

«А, семь бед, один ответ!» – решила Катюшка и взобралась на медведя.

Почти до самой околицы довез ее косолапый. А в доме-то уж рев, плач: кони без Катюшки домой примчались.

Сам бы не слышал, подумал – брехня, но зверь-то, вишь, как и человек, всяк на свой манер: который и от скуки загрызет, а который и спасет, и обогреет, и лаской одарит.

А один случай и сам помню. Года три мне было, а как сейчас вижу. Гостили мы в ту пору с маменькой Катериной у бабушки, дело было на морковное заговенье, вся изба пирогами с морковкой пропахла. Слышу я, кто-то скребется. Дед с Трезоркой на охоту ушел, соседский Полкан – на печке. Кому бы в такую пору быть? Ну, думаю, курочка моя из курятника выбралась да в гости ко мне пожаловала. Откинул крючок, приоткрыл дверь, а она чуток только и приотворилась, мешаает что-то.

Выглянул я в щелочку – да как заору радостно:

– Бабушка Линочка, дедушка Медведущка в гости пожаловал.

Наши мне про медведей добрых давно сказывали. Выскочили домашние, а медведь-то околел. Тот ли медведь был, другой? Но, сдается мне, что наш медвежка: старенький, шкура с проседью, а одно ухо с пятном беленьким, как бабушка про своего медвежку сказывала.

Закопали медведя под яблоней в огороде. С той поры яблоч с нее каждый год снимали ведер по десять, это у нас-то, в краю для яблонь неласковом. Медведь, видать, как и человек добросердечный, и после смерти о горемыках живых помнил

да подарочки подбрасывал. Само собой, прознала вся деревня про медвежку – и, хоть кол на голове теши, меня, и детей, и внуков моих Медведевыми зовут. А мы и не против. Иной человек зверь – зверем смотрит, а бабушка Медведишка жил с добром да ласкою. Я вам о нем сказ сложил, а вы деткам своим поведайте.

КАМЕННАЯ СИЛА

По горам-долинам алтайским много деревень разбросано. Самые смелые жили среди гор высоких да во лесах темных. А что не жить-то? Сердцем укрепись да промышляй зверя дикого, лови рыбку игривую. Сам вдоволь наешься, а лишнее на муку обменяешь. В селе Медведка бабы огородом да домом занимались, мужики охотились.

Так и говорили домашним:

– Охота медвежатинки, пойду, поищу зверя на пельмени подходящего.

В руки рогатину – и айда в чащобу.

Глядишь, через пару часиков бежит мужик обратно и зверя за задние лапы тащит. Бабы медвежатинки нарубят, пельменей налепят – и целную неделю полсела сыты, пьяны и нос в табаке.

Народ-то в Медведке справный селился: статный, рослый, крепкий. Кедры да и только! А ребяташки один к одному ладные, складные, что грузочки во бору-лесочке. Бывало, по снегу босиком проберутся, на печке отогреются – и опять в снегу кувыркаются.

Один только Мишутка Семирьянов по снегу не бегал, всю зиму на печке лежал да хворал.

Отец его, Семирьян Евстигнеич, подсмеивался над сынком:

– Ты у нас, Михрютка, непутевый!..

Мамка-то, Марфа, шибко за сыночка обижалась.

– Над родным дитем смеешься, ирод! И не жалко кровиночку? – скажет так и наподдает Семирьяну кулаком со всего маху – мужик лбом дверь откроет, на снегу выстелется. Соседи хохочут, а Семирьян, незлобивый мужичок, поднимется, отряхнется да песню запоет.

К весне Мишутка совсем расхворался, мало, что золотуха всего обсыпала с ног до головы, так еще на коленке ушибленной шишак с яйцо голубиное вырос. Помутнели глазки у парнишки, еду в рот не берет, а все плачет тихонько да постанывает. Родители-то все извелись, жалко ж дите единственное, и порешили они отнести сына к Пелагее-травнице, что на краю деревни жила. Бабка-то шибко старая была, потому к хворым сама не хаживала.

Завернул Семирьян сына в тулуп, взял его на руки да и отправился к ведунье.

Глянула Пелагея на мальчишечку, руками всплеснула:

– Спаси, Господь, от такой напасти! Травы тут мало чем помогут.

Помыла она его настоями целебными, напоила отварами, нашептала молитвы. Парнишка плакать перестал и задремал.

Уложила Пелагея парнишку на теплую лежанку и молвила Семирьяну:

– Пушай мальчонка у меня погостует, подлечу его малость, а как снег сойдет, цветки раскроются, повезешь его в горы каменную силу искать, отыщешь гору белую, березами поросшую, а у подножия – камень с бычьей голову, точно радуга переливчатый. Сам к горе не ходи, в кусточках посиди, а сыночку твоему

я накажу, как гору открыть. Увидишь, что камень вход отворил, – ступай домой и ничего не бойся. Мишутка сам после явится, но скоро не жди. Только котятка быстро родятся, а доброе дело раздумчиво.

Подлечила Пелагея мальчонку – он на ножки встал, есть-пить попросил. А как окреп чуток, солнце шибче припекло, цветки зацвели, собрал Семирьян сыну котомочку: сухарей, сальца да соли горсточку. Взял его за ручку, и пошли они в горы. Только через одну гору перевалили, а у Мишутки силы кончились сел он на травку зеленую и заплакал.

– Брось меня, тятенька, нету мочи дальше идти, видно, судьба моя такая – от хворобы сгинуть.

У Семирьяна слезы навернулись.

– Гору-то перевалили, значит, и еще одолеем, вот только отдохнем, сухариков погрызем – и в путь-дорогу. Ты ж видел, как пташки летать учатся: с веточки на веточку перелетают, а уж потом в небо синее взмывают, так и мы с тобой потихоньку до горы заветной доберемся, никто ж нас не торопит, не подгоняет.

Парнишка поуспокоился, заулыбался. Отдохнули да и пошли не спеша дальше. На другой день к вечеру сыскалась гора с белым камнем переливчатым.

Укрылся в кустах Семирьян, а Мишутка подошел к горе, стукнул в нее три раза, чуть повыше камешка яркого, отступил на три шага и молвил, как учила Пелагея:

– Дом хрустальный, отворись! Дед Алт, появись!

Камни зарокотали, загремели, задвигались. Испугался было парнишка, к отцу бежать вздумал, оглянулся, а того и след простыл. Что делать? Позади – пещера, вокруг – лес темен. Куда ни кинься, везде страсти одни.

Но слышит мальчонка – зовет его кто-то:

– Не тушуйся, Мишутка, ступай ко мне в дом.

Глянул парнишка на гору, а у камешка переливчатого, у входа в пещеру, старец стоит, но не лешак какой-нибудь, а улыбочивый дедушка.

Страх-то весь как ветром сдуло.

Вошел мальчонка в пещеру. А внутри-то – блеск хрустальный. Кругом светильники зажженные, стенки из камня зеленого, потолок из камня лазурного, с искорками малыми, а пол вроде озера, только каменный, прозрачный, и видать внутри него рыбок каменных, что, кажись, спугни – и поплывут они, точно живые. Раскрыл Мишутка рот от удивления.

А дед Алт ему молвит:

– Поди устал, милоч? Садись-ка на лавочку и сказывай, зачем в дом мой хрустальный пожаловал.

– Пришел я, деда, за силой каменной, нет мне житья, одолели хворобы.

Сказал так – и заплакал горько.

– Не плачь, внучок, будет тебе сила каменная. Но добыть ее можно только своими руками.

– Я бы рад, деда, да шибко слабенький, и махонького камушка не подыму.

– Не кручинься, малец, я тебе помогу. Первая помощь – это красота каменная. Глянь-ко вокруг, стенки-то каковы: узор у малахита особенный, блеск шелковый, а зелень глубокая, заманчивая...

– Да, деда, словно во лесочке ясным денечком.

– Верно, Мишутка, приметливый ты. А потолок на что похож?

– На небо звездное. Но больше всего, дедуля, мне твой пол нравится и рыбки каменные.

– Ты еще всей красы не видывал! В уголочке два сундука, а в них – и сила каменная, и тайны драгоценные.

Открыл дед Алт оба сундука. В одном камня так и полыхают, так и переливаются, словно полный сундук разноцветных огоньков насыпано. В другом сундуке камешки попроще: и серые, и белые, и зеленые, только не сверкают, а поблескивают. Мишутка, конечно, сразу побег к первому сундуку.

– Ай да камешки, под стать царям-государям!

– А дал бы ты этих огоньков соседским мальчишкам, будь у тебя этот сундук?

– Нетушки, самому надобно!

– А на что они тебе, милоч? – спросил дед Алт и хитровато так улыбнулся.

Мальчонка только плечами пожал.

– Вот-то и оно, что самые драгоценные камни жадность будят, доброту душат, а к делу доброму не больно способные. Знал бы ты, сколько из-за этих сверкающих камней кровушки льется, не стал бы их руками трогать.

Подвел дед Алт мальчонку к другому сундуку.

– Взгляни вот на эти самоцветы. Это камни доброты земной.

Достал он из сундука камень зеленый матовый, водой обкатанный.

– Всякий зелен камень глаза лечит, гнев тушит. А этот особенно, нефритом называется, от многих болезней спасает. Из него китайцы чудные вещицы изготавливают: вазы прозрачные, шкатулки резные, гребни девкам.

– Деда, а вот тот, цвета зорьки вешней, для каких надобностей?

– Этот орлецом прозывается, в наших краях редок, сказывают добрые люди, оберегает детишек малых от хворобы, от напасти. Положи в свою котомочку, он тебе не раз сгодится.

Достал дед камушек рыжий, как солнце.

– Возьми и желтый сердолик. Вон как сияет изнутри, не нахально, мягко, а глядеть любо. Этот камень излечит и счастье подарит. Приложи-ка его к своей ножке!

Приложил малец камушек к шишке – и чувствует, опухоль опадать стала, боль чуток притупилась. Тем часом за хрустальными окнами совсем стемнело.

– Давай-ка, Мишутка, покушай сухариков, размочи в водичке. Вон я тебе в ковшике малахитовом припас.

– А ты как же, деда?

– Я-то – дух святой, и сухарики мне без надобности.

Поел парнишка, всю водичку выпил. Чувствует – радость в сердце ширится.

– Деда, уж спать пора, а мне петь охота!

– А ты пой, милоч, вода в ковшике особенная: по камням бежала, силу и радость собирала, от того такая вкусная да шипучая.

Запел Мишутка, голосок-то у него отродясь звонкий был – а тут чисто колокольчик серебряный зазвенел.

– Ну ладно, внучек, поел, попил, попел, пора и на боковую. Я тебе веточек пихтовых в уголку постелил.

Лег мальчонка – и чует, от пола не каменным холодом веет, а теплом, как от печки.

– Деда, а почему это пол у тебя в доме такой теплый?

– Это речка горячая под скалой бежит.

– Чудно... – сонно пробормотал малец и вскоре угомонился.

Утречком проснулся парнишка раненько, только-только солнышко выглянуло – и сразу к котомочке сухариков погрызть.

А дедок с лежанки:

– Ты, милоч, зубы не ломай, сядь к столу да с водичкой сухариков, как следует покушай. Сегодня пойдем настоящую силу каменную добывать.

Собрались они скорехонько и пошли бодрехонько: с горки – на горку, из одной лощинки – в другую, из другой – в третью. Идет мальчишечка, едва за дедом Алтом поспекает, а сам дивуется: «Уже пять гор перевалили, а усталости никакой, так бы и шел до самого вечера».

Почитай все лето красное по горам водил дед Алт Мишутку, красоту горную показывал, про силу каменную рассказывал да заветные места, где тех камней видимо-невидимо, показывал. Дошли они до Белой речки, искупался малец разок – и сразу сошли с него золотушные коросты, добрались и до ключей Рахмановских, сполоснулся парнишка – глядь-поглядь, а шишечки над коленкой как не бывало. Обрадовался он, запел, запрыгал.

Дед Алт обнял Мишутку и напоследок наставленье дал:

– Вода в речке и в ключах от самоцветов силу целебную берет, людям несет. Добыл ты силу каменную. Век свой будешь крепок и могуч. Снаряжайся в обратную дорогу, заждались тебя отец с матерью.

Проводил дед Мишутку дорогой короткою до самого села, за неделю добрались до околицы Медведки. Вошел мальчишечка в ограду дома родимого, а навстречу ему – Семирьян и Марфа. Кинулись было к сыну, да приостановились.

– Ты ли это, Мишутка? – спрашивают.

– А то кто же? – отвечает парнишечка. – Не узнали, небось?

Обняли его отец с матерью, заплакали от радости. С той поры не брала Мишутку никакая хвороба. Отыскал он силу каменную, силу нерушимую.

Камешки, деда Алта подарочек, за иконку положил да при случае избавлял ими от немочи своих медведских, а вместо молитвы приговаривал:

– По горам ходи, на каменья гляди, а у Белой речки стань-постой, голову омой водою быстрою, речистою...

Бывало, скажет так – и немочь как рукой снимет.

Говорят, и другие люди за каменной силой в горы ходили, да не всем она открывалась. Каменная сила в глубине земли прячется и, как сердце девичье, открывается доброму и храброму.

